

АЗБУКА ВЕРЫ

архиеп. Константин

Богословские аспекты Таинства Евхаристии

Православная энциклопедия Азбука веры 2016

Богословские аспекты Таинства Евхаристии

архиеп. Константин

*архиепископ Тихвинский Константин,
ректор Санкт-Петербургской Православной
Духовной Академии, профессор*

- [1. Предварительные понятия](#)
- [2. Библейские основания](#)
- [3. Тело и Кровь Христовы в Евхаристии](#)
- [4. Христологический аспект Евхаристии](#)
- [5. Триадологический и пневматологический аспекты Евхаристии](#)
- [6. Евхаристия как Жертва](#)
- [7. Вещество для Таинства Евхаристии](#)
- [8. Евхаристическая терминология](#)
- [9. Экклесиологический аспект Евхаристии](#)
- [10. Эсхатологический аспект Евхаристии](#)

Предварительные понятия

Таинство Евхаристии («εὐχαριστία» (греч.) – благодарение) является центральным Таинством Церкви, в котором хлеб и вино по молитве Церкви действием Святого Духа прелагаются в истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Причащаясь Телу и Крови Христовым, верующие теснейшим образом соединяются с Господом Иисусом Христом и друг с другом во Христе. Евхаристия превосходит все другие Таинства. «В других Таинствах Господь Иисус сообщает верующим в Него те или другие (...) дары благодати, которые Он приобрел для людей Своею Крестною смертью», всем Своим Искупительным подвигом. В Евхаристии же «Он предлагает в снесь Самого Себя – собственное Тело и собственную Кровь»^[1]. Именно поэтому это Таинство называется Благодарением. В нем мы принимаем Самого Христа и единственный ответ, который возможен с нашей стороны – это благодарение «о всех, ихже вемы и ихже не вемы, явленных и неявленных благодеяний бывших на нас».

Таинство Евхаристии, установленное Господом Иисусом Христом на Тайной Вечере (Мф. 26, 26-29; Мк. 14, 22-25; Лк. 22, 17-20; 1 Кор. 11, 23-25), является Новым Вечным Заветом (Евр. 13:20), который Христос заключил между Богом и людьми Своею Кровью (Лк. 22, 20; 1 Кор. 11, 25).

В Евхаристии совершается то, о чем молился Господь Иисус Христос в Своей Первосвященнической молитве: *«да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, [так] и они да будут в Нас едино»* (Ин. 17:21). Эта молитва принесена Христом Богу Отцу непосредственно пред Его Крестными страданиями и смертью, следовательно, в ней выражено самое сокровенное желание Христа, указана главная цель Его Воплощения и Искупительного подвига – единство всего человечества по образу единства Святой Троицы. Такое единство осуществляется в Церкви через Евхаристию. *«Вы – Тело Христово»* (1 Кор. 12:27) – писал апостол Павел первым христианам. Именно в Евхаристии, в этом Таинстве Божественной Любви Духом Святым создается Церковь как Тело Христово. И большего единства, нежели единение в Теле Христовом, нет, и не может быть.

В Священном Писании и Священном Предании Таинство Евхаристии называется различными именами: *Вечерей Господней* (Κυριακῆ δεπνον), *Трапезой Господней* (Τραπέζα Κυρου), *Хлебом Божиим* (Αρτος του Θεου), *Чашей Господней* (Ποτριον Κυρου), *Чашею благословения* (Ποτριον τς υλογας)[2]. *Жертвой святой, таинственной, словесной, умиловительной, просительной, Жертвой благодарения.* Евхаристия именуется также *Таинством Тела и Крови Христовых, Хлебом Жизни* (Ин. 6:51) и *Чашей Жизни*.

Библейские основания

Неразрывно связанное с Воплощением Сына Божия, Голгофской Жертвой и Искуплением, Таинство Евхаристии было замыслено Богом прежде творения мира. *«Не тленным серебром или золотом искуплены вы (...), но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира»* – говорит апостол Петр (1Петр. 1:18-20)[3].

Евхаристия была прообразована вкушением плодов от Древа Жизни в Раю и предуказана в ветхозаветных жертвах. Все ветхозаветные жертвоприношения в свете будущей Крестной Жертвы Христа сокровенно указывали на Евхаристию. Жертва Авеля *«от первородных стада своего»* (Быт. 4:4), жертва Ноя после потопа (Быт. 8:20), ежегодная жертва очищения (Лев. 16:2-34), жертва Завета с Богом (Исх. 24, 4-8; *«И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих»*), жертвы всесожжения (Лев. 1:1-17), благодарения (Лев. 22:29-30), мирная (Лев. 3:1-17) и важная в Ветхом Завете жертва пасхального агнца (Исх. 12:1-26) – все это таинственные символы Евхаристии.

Прообразами Евхаристии были также хлеб и вино Мелхиседека, вынесенные им как *«священником Бога Всевышнего»* на встречу Аврааму (Быт. 14:17-20), трапеза Премудрости, описанная в книге Притчей (Притч. 9:5-6), очищение уст пророка Исаии (Ис. 6:6-7), манна в пустыне (Исх. 16:1-19) и вода, высеченная из скалы (Исх. 17:1-7). Ветхозаветная символика Евхаристии нашла свое отображение в чинопоследовании Литургии свт. [Василия Великого](#).

В молитве после Великого входа сказано: *«якоже приял еси Авелевы дары, Ноевы жертвы, Авраамова всеплодия, Моисеова и Ааронова священства, Самуилова мирная. Якоже приял еси от святых Твоих Апостол истинную сию службу, сице и от рук нас грешных прими дары сия во благодати Твоей Господи»*.

Сокровенные указания на будущее Таинство таинств содержатся и в пророческом провозвестии Ветхого Завета. *«Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, **чистую жертву**»* – возвещается в пророчестве Малахии (Малах. 1, 11).

В Новом Завете Господь Иисус Христос говорит о Евхаристии прежде самого установления Таинства – в беседе о Хлебе жизни. Этой беседе Христа предшествует чудесное насыщение пятью хлебами пяти тысяч человек, не считая женщин и детей (Мф. 14, 15-21; Мк. 6, 35-44; Лк. 9, 12-17). Данное чудо было одним из самых ярких прообразов Евхаристии. По толкованию свт. [Феофана Затворника](#), «чудное насыщение народа в пустыне есть образ насыщения верующих во святом причащении Пречистым Телом и

Пречистой Кровью Господа. Господь сидит особо; народ рассажён рядами; Апостолы-посредники получают хлеб и раздают. Так и ныне: верующие разделены на малые частные церкви, в которых невидимо присутствует Господь. Он раздает Свои Тело и Кровь через Апостольских преемников»[4].

Беседа о Хлебе жизни в 6-й главе Евангелия от Иоанна есть догматическое осмысление Таинства Евхаристии. Ко времени написания 4-го Евангелия Евхаристия уже прочно вошла в жизнь Церкви, поэтому необходимо было не повторять известное уже повествование об ее установлении, но дать богословское учение о ней. Основной акцент сделан на сотериологическом и эсхатологическом аспектах Евхаристии: *«Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною»*(Ин. 6:53-57).

В свете беседы о Хлебе жизни, «хлеб насущный» (Мф. 6, 11; Лк. 11, 3), о котором Христос заповедал просить в молитве Господней, в святоотеческом наследии понимается не столько как земной хлеб, сколько как Хлеб небесный, «особенный», «стоящий выше всех сущностей» (надсущностный – *επι-οσιον*), «превосходящий все твари», то есть Тело Христово[5]. (Именно поэтому молитва Господня «Отче наш» «установлена на Божественной Литургии лишь после призывания Святого Духа на Святые Дары и на всех людей»)[6].

По свидетельству книги Деяний, первые христиане «*постоянно пребывали в (...) преломлении хлеба*» (Дн. 2, 42), что было исполнением слов Христа: «*Сие творите в Мое воспоминание*» (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24). Заповедь эта выражает волю Христа о совершении Евхаристии до Его Второго Пришествия, как об этом говорит апостол Павел: «*Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет*» (1Кор. 11:26).

«Воспоминание», «ἀνάμνησις», о котором говорит Господь, является не простым ментальным актом, но есть вхождение в реальное общение со Христом, актуализация единожды совершенной Им Евхаристии в настоящем моменте времени. В данном случае слово «воспоминание» употреблено в традиционном библейском смысле – как нечто действенное, подобно заповеди «*помнить (т.е. соблюдать) день субботний*» (Исх. 20:8). «Это не только воспоминание, – говорит прот. Г. Флоровский. Вспоминают о бывшем и прошедшем, о том, что некогда случилось и чего уже нет. А Тайная Вечеря не только была единожды совершена, но таинственно продолжается и до века. (...) Это исповедуем мы каждый раз, приступая к евхаристической чаше: Вечери Твоя тайная *днесь*, Сыне Божий, причастника мя приими...*Продолжается*, а не повторяется. Ибо едина жертва, едино приношение, един Иерей, «приносящий и приносимый». (...) Каждая Евхаристия есть некое исполнение Тайной Вечери, ее осуществление и раскрытие в мире и во времени. Каждая евхаристическая служба есть всецелое отображение единой великой Евхаристии, совершенной Спасителем в навечерии Его вольных страданий на Тайной Вечере»[\[7\]](#).

Тело и Кровь Христовы в Евхаристии

Православное богословие однозначно утверждает подлинность Евхаристических Тела и Крови Христовых. В Таинстве действием Святого Духа хлеб и вино становятся истинными и реальными Телом и Кровью Воплощенного Сына Божия Господа Иисуса Христа. Эта истина основывается как на Божественном Откровении, так и на святоотеческом предании.

Исключительно важным в данном контексте является учение о Евхаристии, содержащееся в Беседе Господа Иисуса Христа о Хлебе жизни (Ин. 6). Христос, говоря о Своем Телe и Своей Крови, которые будут даны Им в пищу верным, подразумевает абсолютно реальные и подлинные Свои Тело и Кровь. Глагол «τρῶω», выражающий в этом тексте вкушение Тела и Крови, буквально означает «жевать» и даже «глодать» и не допускает никакого спиритуалистического перетолкования. Именно эта

определенность и вызвала соблазн иудеев. Ветхозаветный закон под страхом смерти запрещал вкушение крови (Лев. 17:10-14)[8]. Однако, Христос не пытается разубедить иудеев, не говорит об аллегорическом или ином понимании, но подчеркивает истинность сказанного[9].

Святоотеческое предание единогласно утверждает истину, согласно которой мы причащаемся Тела и Крови Господа Иисуса Христа, которые Он принял в Воплощении. Это та Плоть, которая была распята на Кресте, умерла, воскресла и вознесена одесную Отца.

Сщмч. Игнатий Богоносец убеждал христиан чаще собираться для Евхаристии, ибо через нее «низлагаются силы сатаны»[10]. Он предостерегал первых христиан от еретиков, не признающих, «что Евхаристия есть плоть Спасителя нашего Иисуса Христа, которая пострадала за наши грехи, но которую Отец воскресил по Своей благости»[11].

Свт. [Кирилл Иерусалимский](#) говорил: «Видимый хлеб есть не хлеб, хотя и ощутителен по вкусу, но Тело Христово, и видимое вино есть не вино, хотя и подтверждает то вкус, но Кровь Христова»[12]. В этих словах свт. Кирилла Евхаристический Евангельский реализм выражен с максимальной яркостью и недвусмысленностью. «Истинная была плоть Христа, которая распята, погребена; воистину сие есть *Таинство той самой плоти*» – писал свт. [Амвросий Медиоланский](#)[13].

Преп. [Иоанн Дамаскин](#) в «Точном изложении православной веры» пишет: «Как хлеб через ядение, а вино и вода через питье естественным образом прелагаются (μεταβάλλονται) в тело и кровь ядущаго и пьющаго, и делаются не другим телом, по сравнению с прежним его телом, так и хлеб предложения, вино и вода, через призывание и наитие Св. Духа, сверхъестественно претворяются (περφοῦς μεταποιούνται) в Тело Христово и Кровь, и суть не два, но единое и тоже самое»[14].

Преп. [Симеон Новый Богослов](#) учил, что Сын Божий в причащении преподает нам «ту самую пренепорочную плоть, которую Он принял от Пренепорочной Богородицы Марии и в коей от Нея родился»[15]. Св. [Николай Кавасила](#) писал, что после эпиклезиса Евхаристические Дары «уже не образ, (...) но самое всесвятое

Владычнее Тело, истинно принявшее все укоризны, поношения, раны, – распятое, прободенное, (...) претерпевшее заушение, биение, заплевания, вкусившее желчь. Подобным образом и вино есть самая Кровь, истекшая из прободенного Тела»[16].

Наконец, постановления Первого, Третьего и Седьмого Вселенских Соборов не оставляют никаких сомнений в реальности Евхаристических Тела и Крови и их тождественности с Телом и Кровью Воплощенного Сына Божия. «Святые Дары прежде освящения называются «вместообразными» (ὑτίτυπα), после же освящения по существу Телом и Кровью Христовой и суть таковы» – с замечательной лаконичностью свидетельствовали Отцы Седьмого Собора[17].

Тождество евхаристических Тела и Крови Христовых историческим имеет *принципиальное сотериологическое значение* – мы причащаемся тому Телу, которое воспринял и в Самом Себе исцелил и обожил Воплощенный Сын Божий. Евхаристия, таким образом, есть вхождение в тайну Искупления, актуализация в верующих Искупления, совершенного Господом Иисусом Христом. Без Евхаристии Искупление остается нереализованным. В Евхаристии мы причащаемся именно тому самому Телу, которое Христос исцелил и обожил в Своем Воплощении. Отрицание этого бесспорного факта есть, по существу, отрицание смысла Боговоплощения и реальности совершенного Христом Искупления. Без этого тождества мы не участвуем в Искуплении, не исцеляется наша природа. Именно поэтому Церковь решительно отвергает любые символические, аллегорические или спиритуалистические толкования Евхаристических Тела и Крови.

Христологический аспект Евхаристии

Христос присутствует в Евхаристии всецело, в полноте Своего Божества и человечества, ипостасно соединенного с Божеством. Каждая частица евхаристического хлеба есть Тело Христово единое и неделимое. В каждой частице присутствует весь Христос. Это сознание содержится в литургическом чинопоследовании: «Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и не разделяемый».

Христос присутствует в Евхаристических Дарах постоянно, т. е. не только при самом причащении, но и до причащения, и после причащения. Хлеб и вино, ставшие Телом и Кровью Христа, уже не прелагаются в прежнее свое естество, но остаются Телом и Кровью Христовыми навсегда, независимо от того, будут ли они преподаны верующим для причащения.

В Евхаристии благодатно актуализируется все Домостроительство спасения: от Воплощения Сына Божия Господа Иисуса Христа до Его Вознесения и Сошествия Святого Духа[18]. Согласно преп. Феодору Студиту, Литургия есть обновление Богочеловеческого домостроительства спасения[19]. Целью Боговоплощения и совершенного Христом Искупления было обожение человека. «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом» – это утверждение стало лейтмотивом восточной святоотеческой мысли, ярким примером единогласного «consensus patrum». Через Евхаристию верующие становятся причастниками Искупления, через Евхаристию совершается обожение каждого конкретного человека. Об этом говорится в молитве пред св. Причащением: «Божественное Тело обожает мя и питает. Обожает ум, дух же питает странно».

Для большинства святых отцов Воплощение есть отправная точка для рассуждения о Евхаристии. Мученик Иустин Философ писал в своей Апологии: «как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел Плоть и Кровь для спасения нашего, таким же образом пища эта, над которой совершено благодарение чрез молитву слова Его, есть (...) Плоть и Кровь Того же воплотившегося Иисуса»[20]. Клеветнические обвинения первых христиан в каннибализме св. Иустин мог бы легко опровергнуть через символическое толкование Евхаристии. Но он подчеркивает реальность Таинства, делая акцент на подобной же реальности Боговоплощения.

В толковании на слова молитвы Господней «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Слово *насущный* означает, что этот хлеб по качеству своему превышает всего существующего (здесь свт. Игнатий ссылается и перефразирует преп. Кассиана. Collatio IX, сар. XXI). Величие его и святость бесконечны, непостижимы; освящение, достоинство,

доставляемые вкушением его, необъятны, необъяснимы. Хлеб, подаваемый Сыном Божиим, есть всесвятая Плоть Его, которую Он дал за живот мира. К чудной пище присоединено столько же чудное питье. Плоть Богочеловека дана в пищу верующим, Кровь Его – в напиток. Богочеловек не отличался ничем от прочих человек, будучи совершенным человеком; но был Он вместе и совершенным Богом: по наружности все видели и осязали в Нем человека, по действиям познавали Бога. Подобно этому благоволил Он, чтобы всесвятая Тело Его и всесвятая Кровь Его были прикрыты веществом хлеба и вина: и видятся, и вкушаются хлеб и вино, но приемлется и сдается в них Тело и Кровь Господа»[21].

Триадологический и пневматологический аспекты Евхаристии

В Евхаристии Церковь приносит молитву Богу Отцу, чтобы действием Святого Духа хлеб и вино преложены были в Тело и Кровь Воплощенного Сына Божия. Обращение к Отцу заложено уже в Новом Завете, в первой, можно сказать, евхаристической молитве «Отче наш», и в Первосвященнической молитве Христа. К Отцу обращены раннехристианские евхаристические молитвы, а также большинство известных анафор[22]. Все византийские евхаристические молитвы имеют Троичную структуру: они обращены к Отцу, вспоминают Домостроительство Сына и призывают Святого Духа.

Освящение Даров совершается во время эпиклезы, которая является исконной литургической практикой Церкви. Ее содержит подавляющее большинство анафор, в том числе древнейших, и о ней свидетельствует лик отцов Церкви. Как говорит, например, свт. Кирилл Иерусалимский, мы «умоляем Человеколюбца Бога ниспослать Святаго Духа на предлежащие дары, да сотворит Он хлеб Телом Христовым, а вино Кровию Христовой. Ибо без сомнения, чего коснется Святой Дух, то освящается и прелажается»[23]. Также и св. Николай Кавасила утверждает: «Священник молится, чтобы всесвятый и всемогущий Дух, почив на них (предлежащих Дарах), преложил хлеб в самое честное и святое Тело Христа, а вино – в самую честную и святую Кровь

Его. После сих слов все священнодействие окончено и совершено»[24].

Евхаристия как Жертва

Таинство Евхаристии является жертвой Богу и неразделимо от Голгофской жертвы Христа. О жертвенном характере Евхаристии Господь говорил еще в беседе о Хлебе жизни: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира» (Ин. 6:51). Установление Таинства пронизано идеей жертвенной смерти за все человечество, Христос говорит не просто о Своем Телe и Своей Крови, но о Телe «ломимом» (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24) и Крови «изливаемой» (Мф. 26, 28; Мк. 14, 24; Лк. 22, 20).

Спаситель «однажды» (Евр. 7, 27; 9, 28) принес Себя на Голгофе в жертву «чтобы подъять грехи многих» (Евр. 9:28). В Евхаристии предлагается то же самое Тело и та же самая Кровь. Таким образом, Евхаристия есть не восполнение жертвы Голгофской, а приобщение к ней верующих, усвоение плодов Крестной жертвы всем членам Церкви Христовой. Поэтому во всех Литургиях, в молитве после освящения Даров, выражается мысль о том, что евхаристическая жертва приносится за спасение всех живых и умерших.

Объясняя жертвенный характер Евхаристии, свт. Николай Кавасила пишет «Хлеб становится жертвой не до освящения, не после, но во время него. Именно тогда хлеб становится самим Телом Христовым. (...) Именно это обозначает принести хлеб и соделать его жертвой – пресуществить его в Тело Господа, принесенное в жертву. Таким образом каждый раз осуществляется спасительная жертва Агнца Божия и Тело Христово пребывает единократно принесенным»[25].

Только отвергающие реальное изменение в Евхаристии хлеба и вина в Тело и Кровь Богочеловека (протестанты) не признают жертвенного значения Евхаристии.

Вещество для Таинства Евхаристии

Веществом для Таинства Евхаристии является чистый, квасный, пшеничный хлеб и красное виноградное вино, растворенное водой.

В повествовании Евангелистов об установлении Таинства Евхаристии на Тайной вечери для обозначения хлеба используется слово «άρτος» (Мф. 26, 26; Мк. 14, 22; Лк. 22, 19), т. е. хлеб вскипший, а не термин « ἄζυμος», который переводится как хлеб безквасный, опресночный. В Деяниях и посланиях апостола Павла также употребляется термин «άρτος» (Дн. 2, 42. 46; 20, 7; 1 Кор. 10, 16; 11, 20). И во все последующее время Евхаристия совершалась в Церкви только на квасном хлебе. Красное виноградное вино должно быть разбавлено водой – в воспоминание крестных страданий Христа, когда из Его прободенного ребра «истекла кровь и вода» (Ин. 19:34). 46-е правило Карфагенского Собора утверждает: «В святилище да не приносится ничто, кроме Тела и Крови Господни, как и Сам Господь предал, то есть, кроме хлеба и вина, водою растворенного».

Евхаристическая терминология

Православное богословие совершенно определенно говорит о невозможности в полноте выразить тайну Евхаристии.

Евхаристический канон Литургии свт. [Иоанна Златоуста](#) содержит такие слова: «Ты бо еси Бог неизреченен, неведом, невидим, непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты, и Единородный Твой Сын...» Непостижимость и невыразимость Бога являются основанием апофатического богословия.

С другой стороны, мы именуем Бога и в Божественном Откровении Ему даются многообразные Имена, ибо нет одного такого Имени, которое бы полностью выразило Божество. Это же относится, как выражено в вышеприведенной евхаристической молитве, и к Сыну Божию, начиная с Его Воплощения (тропарь Благовещения «Днесь спасения нашего главизна и еже от века Таинства явление...»)

Богословие Божественных Имен или катафатическое богословие только частично приоткрывает нам Тайну Божества, является попыткой приблизить недомыслимое Бытие Бога нашему пониманию.

В догмате есть элемент рационально познаваемый, который мы выражаем в богословских и философских терминах, и таинственный компонент. Также и в Евхаристии. Невозможно в

полной мере с помощью одного термина адекватно выразить эту тайну. Мы постоянно выражаем эту мысль, называя Евхаристические Тело и Кровь Христовы Святыми **Тайнами**. Поэтому важно помнить, что никакой богословский или философский термин не в силах охватить и выразить Таинство таинств. Это не значит, что все термины равнозначны. Но мы не должны быть в плену нами же изобретенных терминов, пытаюсь вместить в них всю тайну Откровения. Это означает, что любой термин должен рассматриваться в свете апофатической непостижимости Таинства Евхаристии.

Есть прекрасное библейское выражение «И стало так», например, в Ветхом Завете «И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью от воды, которая над твердью. *И стало так*» (Быт. 1:7). И далее, после актов творения рефреном повторяется «И стало так». Откровение констатирует свершившийся факт. То же и в Новом Завете. Например, первое чудо Христово, в Канне Галилейской, когда по слову Христову вода *стала* вином (Ин. 2:9). «*Aquam vinum factam*» («воды, сделавшейся, ставшей вином»). В Таинстве Евхаристии хлеб и вино *становятся* Телом и Кровью Христовыми. Существуют различные внебиблейские термины, с помощью которых святые отцы выражали веру в реальность Таинства таинств – святой Евхаристии. Но, используя эти термины, они всегда подчеркивали, что – говоря словами преп. **Иоанна Дамаскина** – образ **преложения** неизследим. Евхаристия совершается Святым Духом «подобно тому, как Господь при содействии Святого Духа составил Себе и в Себе плоть от Святой Богородицы. Более мы ничего не знаем, кроме того, что Слово Божие истинно, действительно и всемогуще, а способ (преложения) неизследим»[\[26\]](#).

Для обозначения того факта, что хлеб и вино в Евхаристии становятся Телом и Кровью Христа чаще всего используется литургический термин – «преложение» («μεταβολ»). Он происходит от глагола «μεταβλλω», который буквально означает «перебрасываю что-то за что-то» (отсюда слово «баллистика»). Аристотель этим термином обозначал превращение пищи в тело человека при ее вкушении (ср. соответствующий термин «метаболизм», доныне используемый в медицине). И недаром свт.

Григорий Нисский в 37 главе «Большого огласительного слова» объясняет чудо Евхаристии именно аналогией со вкушением хлеба человеком, и эта аналогия повторена затем прп. Иоанном Дамаскиным. Поэтому и применительно к Евхаристии термин «преложение», употребленный в тексте Литургии свт. Иоанна Златоуста, («μεταβαλυ» – «преложив») говорит о явном онтологическом переходе из одной реальности в другую, о бытийной перемене. В данном контексте он означает сущностное изменение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

Другой термин, о котором до сих пор идут споры между православными богословами, это – «пресуществление», «μετουσίωσις». Многие считают, что этот термин имеет католическое происхождение, соответствуя латинскому transsubstantiatio с аристотелевским учением о субстанции и акциденциях для объяснения пресуществления. Буквально данный термин означает «изменение сущности». Действительно, применительно к Евхаристии этот термин стал широко употребляться именно на Западе. Дело в том, что впервые вера в Таинство Евхаристии стала подрываться римо-католическим монахом Беренгарием (+1088). Он отрицал истинное преложение. Неоднократные осуждения его учения Церковью не могли совершенно изгладить эту ересь. И в середине XII века был введен в употребление термин «пресуществление» (transsubstantiatio), а со временем развилось и соответствующее учение. Латинское учение о пресуществлении утверждает, что в Евхаристии сущность хлеба и вина целиком претворяются в сущность Тела и Крови Христовых. То, что мы видим и ощущаем – это только внешние признаки – акциденции – которые сохраняются. Это учение было узаконено схоластическим богословием, которое зиждилось на аристотелевской философии. Понятия «сущность» и «акциденция» стали основой учения, утверждённого Тридентским собором и вошедшим в догматическое учение Римо-Католической Церкви. Следует отметить, что даже выдающийся римо-католический богослов Фома Аквинский (1226 -1274) в своих сочинениях преимущественно употребляет именно термин «преложение» – transformation – μεταβολ.

Само слово «пресуществление» «η μετουσίωσις» появилось в

греческом богословском языке у [Леонтия Византийского](#) еще в VII веке, но вошло в православную евхаристическую терминологию начиная с [патриарха Константинопольского Геннадия](#) Схолария (XV в.). Это греческое слово μετασίσωσις не является копией латинского термина. Хотя следует отметить, что такой выдающийся богослов как св. [Марк Эфесский](#) избегал термина «пресуществление», используя вместо него термин μεταπέσειν – «претворение»[27]. В этом св. Марк следует терминологии свт. [Григория Нисского](#): «... так и Тело, которому Богом даровано бессмертие, входя в наше тело, целое **изменяет и превращает** (μεταπέσει/ καμετάτ θησι) в Себя»[28]. В последующую эпоху термин «пресуществление» постепенно стал употребляться в православном богословии и использовался многими святыми – в частности, свт. [Филаретом Московским](#), свт. [Феофаном Затворником](#), св. прав. [Иоанном Кронштадтским](#).

Тем не менее, термин этот, как ассоциирующийся с латинской схоластикой, у ряда православных богословов продолжал вызывать отторжение. Так архиепископ [Василий \(Кривошеин\)](#), обращаясь к филаретовскому «Катихизису», утверждает: «Нужно сказать, что «исправление» Катихизиса в духе его большей латинизации и согласования с Исповеданиями [Петра Могилы](#) и Досифея не всегда было удачным. Так в этом издании к слову «прелагаются» (о Св. Дарах) было добавлено «или пресуществляются». Правда, вслед за тем слово «пресуществление» объясняется, с ссылкой на Исповедание Досифея, в православном духе в смысле непостижимого и действительного преложения, тем не менее можно только жалеть о внесении в Катихизис этого чуждого православному преданию схоластического термина»[29].

Таким образом, даже сожалея об употреблении термина «пресуществление», архиепископ [Василий \(Кривошеин\)](#) тем не менее, считает возможным его православное истолкование и употребление. Владыка Василий рассуждал об этом в докладе на тему: «Символические тексты в Православной Церкви», представленном Комиссией при Священном Синоде Русской Православной Церкви и учрежденной в 1963 году для разработки тем ожидавшегося Всеправославного Предсобора. Позднее этот доклад на заседании Священного Синода 20 марта 1969 года был

одобрен и утвержден как мнение Священного Синода Московского Патриархата[30].

Сегодня термин «пресуществление» является достаточно привычным и устоявшимся и удобен тем, что подчеркивает реальность изменения хлеба и вина в Тело и Кровь Христа и не допускает перетолкований Таинства Евхаристии в протестантском духе, почему и был использован и утвержден

Константинопольским Собором 1691 года, деяния которого были приняты Русской Православной Церковью. Термин этот сегодня не стоит отождествлять с католической средневековой

схоластической теорией о *transsubstantiatio* и в православной трактовке он является вполне приемлемым. Вопрос о философских основах христианского богословия и выявления новых

философских трактовок таких ключевых понятий, как «сущность» и т. д. (в том числе – и применительно к богословию Евхаристии), которые не противоречили бы христианскому мировоззрению и в то же время учитывали бы достижения философии XIX-XX вв., представляется весьма актуальной задачей современного богословия.

Еще в эпоху иконоборчества появилась теория, которая позднее нашла себе воплощение в умах протестантских богословов, согласно которой евхаристические хлеб и вино не меняют после освящения своей природы, а только «усваиваются» Господом Иисусом Христом. Так на VII Вселенском соборе диакон Епифаний, выступая в обличение еретиков-иконоборцев, говорил, что они, «будучи объаты нечестием и коварством, защищают себя софизмами и святые Дары называют Телом Христовым *не в смысле пресуществления, а по положению, в смысле усвоения*»[31].

Согласно представлениям еретиков, хлеб и вино соединяются с Личностью Христа, с Его Божеством, и только в силу этого соединения называются Его Телом и Кровью. Отцы Церкви, однако, неоднократно и ясно свидетельствуют о реальном изменении природы вещества в Таинстве, и можно смело говорить о существовании «консенсус патрум» по этому вопросу.

Свидетельство же Вселенского собора имеет для нас наивысший авторитет. По словам Оливье Клемана, «сакраментальный реализм отцов тотален. Хлеб полностью претворяется в Тело Христа, вино –

в Его Кровь. Изменение совершается всецело и не подлежит обсуждению»[32]. Простота церковного исповедания никогда не подразумевала чего-либо иного, кроме ясной евангельской веры в истинность Слова Божия: *«сие есть Тело Мое», «сия есть Кровь Моя»*.

Для Православия фундаментальнейшим утверждением является истина, что мы причащаемся тому самому Телу, которое Христос воспринял в Воплощении, исцелил и обожил. Без этой веры теряет полноту и смысл сама тайна Спасения и Искупления. Отрицая протестантский евхаристический «номинализм» мы исповедуем, что христианин входит в тайну Искупления, причащаясь прославленного Тела Христа. Неизвестное Церкви учение о «воипостазировании» Евхаристических Даров, по сути опровергает реальное превращение хлеба и вина в подлинное Тело и подлинную Кровь Воплощенного Сына Божия.

Экклезиологический аспект Евхаристии

Евхаристия – Таинство единства Церкви. Без Евхаристии нет и не может быть никакого другого Таинства, поскольку изначально нет и не может быть Церкви без Евхаристии: *«Тело Его, (...) есть Церковь»* (Кол. 1:24) – говорит апостол Павел.

Само основание Церкви или *«приобретение»* (Дн. 20, 28) ее Христом евхаристично. *«Один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода»* (Ин. 19:34). Истечение крови и воды в святоотеческом богословии неизменно понималось как символ будущей Церкви. Вода является символом крещения, кровь указывает на Евхаристию. Так Церковь основана во Христе: *«Истекла кровь и вода, которые и означают Церковь Христову, созданную в Нем, подобно тому, как из бока Адама была взята жена его»*[33].

«Если бы кто мог увидеть Церковь Христову в том виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее ни чем другим, как только Телом Господним» – утверждал св.

Николай Кавасила[34]. Преп. [Максим Исповедник](#) говорит: *«никакое Таинство не может совершиться без Причастия»*[35]. А по мысли [Симеона Солунского](#), «завершение всякого

священнодействия и печать всякого Божественного Таинства есть священное Причащение»[36].

Евхаристия дана Церкви, Евхаристия совершается только в Церкви и только принадлежащий к Церкви участвует в Евхаристии. В Древней Церкви «причаствие воспринималось (...) как акт, вытекающий из самого членства в Церкви и это членство исполняющий и осуществляющий. Евхаристия была и называлась Таинством Церкви, Таинством собрания, Таинством общения»[37].

Авторитетнейшим подтверждением данной мысли является свидетельство древнейшего памятника христианской письменности «Учение 12 Апостолов» (Дидахи): «Как этот преломляемый хлеб, быв рассеян по холмам, и будучи собран, сделался единым, так да соберется Церковь Твоя от концов земли в Царствие Твое» (9 глава). «Помяни, Господи, Церковь Свою, да охранишь ее от всякого зла и сделаешь ее совершенной в любви Твоей, и собери ее от четырех ветров, освященную, в Царствие Твое, которое Ты уготовал ей» (10 глава).

Древние отцы называли Евхаристию «единением» («ἕνωσις»). Как сказано в Литургии свт. Василия Великого: «Нас же всех причащающихся от единого Хлеба и Чаши соедини друг ко другу, да ни один от нас не причастится недостойно». Отрыв от церковного единства, разрушение единства Церкви следствием своим имеет недостойное причащение. Не может причащаться Телу Христову тот, кто отделяет себя от Церкви и разрушает ее единство.

Всякий приход, в котором совершается Таинство Евхаристии, есть «семья» во Христе. Христиане являются «братьями и сестрами» друг другу не в метафорическом, но в онтологическом, бытийном смысле, как ставшие «сотелесными и скровными» Христу. Люди, причащающиеся из одной Чаши, должны настолько объединяться во Христе, чтобы жить уже единым сердцем, как один человек. По мысли В.Н. Лосского, «тот, кто глубже укоренен в Церкви, кто глубже сознает единство всех в Теле Христовом, тот и меньше связан своими индивидуальными ограничениями, личное сознание его более раскрыто Истине»[38]. «Источник наших церковных болезней», – писал прот. Иоанн Мейендорф, – «повлекший за собой целый ряд недоразумений, есть утеря чувства Церкви, как живой

общины»[39].

Знаменитый святоотеческий тезис «вне Церкви нет спасения» имеет евхаристическое обоснование. Вне Церкви нет спасения, поскольку вне Церкви нет Евхаристии. А без Евхаристии нет ни спасения, ни обожения, ни истинной жизни, ни воскресения в вечности.

Эсхатологический аспект Евхаристии

Эсхатологический аспект является одной из самых таинственных тем евхаристического богословия. Евхаристия есть Таинство воскресения: *«Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни»* (Ин. 6:53). *«Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день»* (Ин. 6:54). Как сказано в Литургии свт. Василия Великого «елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедаете».

Уже ранние Отцы Церкви видели в причащении Тела и Крови Христовых залог воскресения и жизни вечной. Сщмч. Игнатий Богоносец называет Евхаристию «врачевством (или лекарством) бессмертия» (φάρμακον ἀθανασίας)[40]. Причащение, таким образом, сочетает аспекты сотериологический («врачевство») и эсхатологический («бессмертие»).

В творениях свт. Иринея Лионского учение о Евхаристии как о силе воскресения представлено с максимальной полнотой и законченностью. По мысли святителя, некоторые неправильно утверждают, что плоть окончательно истлевет, подвергается тлению. Если плоть эта питалась Телом и Кровью Христа, то следует говорить о ее нетлении. Как хлеб, происшедший от земли, после призвания над ним Бога, не есть уже обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из двух вещей – из земного и небесного; *так и тела наши, принимая Евхаристию, уже нетленны, имея в себе надежду воскресения:[41]* «Подобно тому, как зерно падает в землю и истлевет, а затем из него вырастает колос, и в нем зерна, из которых мы печем хлеб, который в Евхаристии становится Плотью и Кровью Христа, так и наши тела, насыщенные

нетленной Пищей – Телом и Кровью Сына Божия, хотя и погребенные в землю, будут изведены из земли Духом Божиим в вечную жизнь»[42].

В творениях многих святых отцов грех отождествляется со смертью, а Евхаристия с бессмертием. Таким образом, Евхаристия обретает космическое и даже сверхкосмическое измерение. То, что произошло на заре человеческой истории в момент грехопадения, преодолевается в Таинстве Причащения. Через грех прародителей смерть вошла в мир (Рим. 5:12). Господь сказал Адаму в Раю: *«От дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»* (Быт. 2:17). И, хотя в тот день, когда Адам вкусил плодов от дерева познания добра и зла, физически он не умер, но произошло принципиальное изменение его естества – в него вошел закон смерти. Вкушение запрещенных плодов стало для человека *«залогом смерти»*[43]. В Евхаристии происходит обратное тому, что произошло в грехопадении. Тело и Кровь Христовы становятся для искупленного человечества *«залогом жизни»*. *«Мы получили жизнь во Христе; именно, Тело Его вкусили вместо плодов дерева жизни, (...) и праведной Кровью Его омыты (...), и чрез надежду воскресения ожидаем будущей надежды и уже живем жизнью Его, которая сделалась залогом нашим»*[44]. После причащения, хотя физически люди продолжают умирать, меняется самая суть, принцип человеческого бытия. Приобщившись нетленным Телу и Крови Христа, человек оказывается вне абсолютной власти смерти (ср. Рим. 6, 9), становится наследником воскресения.

Примечания:

1. Макарий (Булгаков), еп. Православно-догматическое богословие. СПб., 1852. Т. IV. С. 164.

2. Там же. С. 164-165.

3. Также: *«проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей»* (1Кор. 2:7).

4. Цит. по: Отцы Церкви и подвижники благочестия о помощи Божией // ЖМП. 1984. №10. С. 30.

5. См., напр.: *Иероним Стридонский*, блаж. Творения. Киев, 1901. Ч. 16. С. 41.
6. *Бобринский Б.*, протопресв. Тайна Пресвятой Троицы: Курс Догматического Богословия. Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2005. С.180, 184.
7. *Флоровский Г.*, прот. Евхаристия и соборность // Путь. Париж, 1929. № 19. С. 3.
8. «Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то обращу лице Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее, потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает» (Лев. 17:10-11).
9. *Кассиан (Безобразов)*, еп. Христос и первое христианское поколение. М., 2001. С. 125.
10. *Игнатий Богоносец*, св. Послания. Казань, 1857. С. 57.
11. Там же. С. 170.
12. *Кирилл Иерусалимский*, свт. Цит. соч. С. 246.
13. PL. T. XVI Col. 407. De myst. IX, n. 53; cfr. VIII, n. 47, 48: in Ps. XLIII, n. 36.
14. PG. T. 94. Col. 1145. Русск. пер.: *Иоанн Дамаскин*, преп. Точное изложение православной веры. IV.13 // *Его же*. Полное собрание творений. Т. 1. СПб, 1913. С. 312.
15. *Симеон Новый Богослов*, преп. Слова. Вып. I. М., 1892.. С. 396.
16. *Николай Кавасила*, свт. Изъяснение Божественной Литургии // *Николай Кавасила*, свт. Христос. Церковь. Богородица. М., 2002. С. 155.
17. Деяние 3. Acta Conciliorum et epistolae decretales. Parisiis, 1714. Col. 372. На I Вселенском Соборе отцы исповедали: «На Божественной трапезе мы не должны просто видеть предложенный хлеб и чашу, но, возвышаясь умом, должны верою разуметь, что на священной трапезе лежит Агнец Божий, «вземляй грехи мира» (Ин. 1:29), приносимый в жертву священниками, и истинно

приемля честное Тело и Кровь Его, должны веровать, что это знамения нашего воскресения». *Макарий (Булгаков), еп.* Цит. соч. С. 199-200. (Gelas. Syzicen. Comment. In Acta Consil. Nic. с. XXXI, Diatyp. 5.) На III Вселенском Соборе было утверждено: «причащаясь Святой Плоти и Честной Крови Христа, (...) принимаем не как обыкновенную плоть (да не будет!), (...), но как Плоть воистину животворящую и собственную для Самого Слова». Деяния Вселенских Соборов. Т. I. СПб., 1996. С. 195.

18. *Иустин (Попович), архим.* Догматика Православной Церкви. Белград, 1978. С. 567.

19. *Феодор Студит, преп.* Творения. Т. 1. СПб., 1907. С. 126.

20. Св. *Иустин Философ*, I апология, п. 66.

21. *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетическая проповедь // Полное собрание творений. Т. 4. М., «Паломник», 2002. С. 237.

22. Напр., в «Учении Двенадцати апостолов народам» молитва направлена к Отцу Небесному и содержит благодарение за «жизнь и ведение, которое Ты даровал нам чрез Иисуса Отрока Твоего». Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 11.

23. *Кирилл Иерусалимский, свт.* Пятое тайноводственное слово // Его же. Творения. СПб., б/г. С. 248. Греческий текст см.: Cyrille de Jerusalem. Catecheses Mystagogiques. Sources Chretiennes. Т. 126. Paris, 1966. P. 156.

24. *Николай Кавасила, свт.* Изъяснение Божественной Литургии // *Николай Кавасила, свт.* Христос. Церковь. Богородица. М., 2002. С. 155.

25. *Николай Кавасила, свт.* Изъяснение обрядов Божественной Литургии // *Николай Кавасила, свт.* Христос. Церковь. Богородица. М., 2002. С. 194.

26. *Иоанн Дамаскин, преп.* Цит. соч. IV. 13. С. 311-312.

27. PG t. 160, col. 1080.

28. *Григорий Нисский, свт.* Большое огласительное слово (с параллельным текстом). Гл. 37. С. 276-277. К., 2003.

29. *Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский.*

Символические тексты в Православной Церкви. – Богословские Труды, № 4, 1968. С. 27. Владыка Василий считает, что «при всех своих недостатках, Катехизис Филарета является выдающимся по ясности изложения памятником русского богословия, но выделять его из множества других символических текстов и возводить в степень «символической книги» было бы неправильно. Ибо, ... и сам Св. Синод в своем одобрении Катехизиса не называет его «символическою книгою», а ограничивается рекомендацией его в качестве «руководства». К тому же авторитет и значение Катехизиса Филарета ограничивается Русской Православной Церковью. Вне ее, особенно у греков, он мало известен. На него нельзя смотреть как на символический памятник общеправославного значения» (там же).

30. См.: Журнал Московской Патриархии, 1969, № 4, С. 4-5. Доклад Владыки Василия был напечатан в 4-м выпуске «Богословских Трудов», под тем же, что и на Совещании, названием: «Символические тексты в Православной Церкви» (С. 5-36).

31. Деяния Вселенских Соборов, т. IV, изд. 5, СПб, 1996, стр. 538-539.

32. Клеман О. Истоки. Богословие отцов Древней Церкви. Тексты и комментарии. М., 1994. С. 105.

33. Ефрем Сирин, преп. Творения. Т.8. М.: «Отчий дом», 1995. С. 324.

34. Николай Кавасила, свт. Изъяснение Божественной Литургии // Николай Кавасила, свт. Христос. Церковь. Богородица. М., 2002. С. 170.

35. PG. T. 4. Col. 136A.

36. PG. T. 155. Col. 512D.

37. Шмеман А., протопресв. Исповедь и причастие: Доклад Св. Синоду Православной Церкви в Америке. Б/м., б/г. С. 4.

38. Лосский В.Н. Богословие и боговидение: Сборник статей. Под общ. ред. В. Пислякова. М.: Изд-во Св.-Владимирского Братства, 2000. С. 578.

39. Мейендорф И., прот. Иерархия и народ в Православной Церкви // Вестник РСХД. 1955. № 39. С. **39**.

40. Игнатий Богоносец, св. Цит. соч. С. 69.

41. См.: Иринеи Лионский, свт. Против ересей. IV, 18, 5. // *Иринеи Лионский, свт.* Сочинения. СПб., 1900. С. 365.

42. Там же. V, 2, 2-3. С. 449-450.

43. Ефрем Сирин, преп. Цит. соч. С. 333.

44. Там же. С. 333.

Примечание (ред.): Имеются и другие недавние работы Ректора СПбПДАиС, архиепископа Тихвинского Константина (Горянова) по данной евхаристической тематике:

- а)** Доклад на тему «Богословские аспекты таинства Евхаристии», прочитанный 15 марта 2007 года в Санкт-Петербургской Духовной Академии на научно-богословской конференции «Богословские и церковно-практические аспекты таинства Евхаристии»;
- б)** Доклад на тему «Таинство Евхаристии: богословские аспекты», в котором архиепископом Константином была предоставлена широкая панорама святоотеческого учения о главном таинстве Церкви (V Международная богословская конференция РПЦ. «Православное учение о церковных таинствах». Москва, 13-16 ноября 2007 г.).